

День выхода в море выдался лучшим за последнее время: ярко светило солнце, на безоблачном небе — ни намёка на облачность. Чайки гнались за кильватерным следом и летели так близко, что, казалось, протяни руку — и коснёшься их крыльев. На борту было несколько иностранцев. Услышав, что в этот сезон в местных водах можно встретить китов, они всю дорогу пребывали в радостном предвкушении. Поболтав с рулевым, а затем с инструктором, эти люди в конце концов переключились на сидевших в углу Цзян Шоуяня и Чэн Цзайе.

— (Хотите немного?) — спросил один из них по-английски.

Цзян Шоуянь посмотрел на протянутое ему белое вино, махнул рукой и ответил на том же языке:

— (Спасибо, не нужно.)

Блондин, сидевший прямо напротив них, отпил из своего бокала. Бросив на парней пару оценивающих взглядов, он поинтересовался:

— (Вы ведь не просто напарники по дайвингу, верно?)

Чэн Цзайе переплёл свои пальцы с пальцами Цзян Шоуяня и ответил:

— (Верно. Мы — пара.)

Взгляд блондина задержался на лице Цзян Шоуяня, и он произнёс с улыбкой:

— (Какая жалость.)

Впрочем, отступить он не собирался. Подумаешь, всего лишь пара. Он вырос в стране, где даже измену могут преподнести как нечто романтическое, так что влезть третьим лишним для него было лишь захватывающим развлечением.

— (Не хотите приятно провести время вместе после погружения?)

Лицо Чэн Цзайе мгновенно потемнело от злости. Цзян Шоуянь успокаивающе похлопал его по тыльной стороне ладони и, сохраняя на лице подчёркнуто вежливое выражение, произнёс по-английски грязное ругательство. Блондину было абсолютно плевать, что его послали. Пожав плечами, он взял бокал и отправился болтать с остальными.

Чэн Цзайе внезапно усмехнулся, склонил голову, коснулся кончиком носа уха Цзян Шоуяня и сказал:

— А ты крут, Цзян Шоуянь.

Цзян Шоуянь изъяснялся на простом и ровном английском, не претендуя на красноречие, но его холодный тембр цеплял, словно маленький крючок: что бы он ни произносил, у Чэн Цзайе начинало сладко щемить в груди. Цзян Шоуянь бросил на него странный взгляд.

— Что такое? — Чэн Цзайе снова потянулся, чтобы прижаться к его щеке.

— Подозреваю, что у тебя какие-то весьма специфические наклонности.

— Вовсе нет, — отозвался Чэн Цзайе.

Внезапно на носу лодки раздались восхищённые возгласы. Цзян Шоуянь глянул в ту сторону: вдалеке из воды выпрыгнул кит. Огромное существо на короткий миг зависло в воздухе, а затем всей массой обрушилось обратно в море, подняв тучу брызг.

— Пльвём туда, скорее! — закричали дайверы.

Она начали поспешно натягивать снаряжение, взволнованно выкрикивая указания.

Киты передвигаются под водой очень быстро. Порой они, едва показавшись, бесследно исчезали ещё до того, как лодка успевала приблизиться. Но на этот раз туристам улыбнулась удача: кит не спешил уплыть. Когда они подошли поближе, из воды выпрыгнула ещё одна тёмная тень, поменьше. Правда, показалась лишь часть головы: не успев полностью оторваться от воды, китёнок неуклюже плюхнулся обратно в волны.

Шумные иностранцы, уже нацепив экипировку, торопливо попрыгали в воду спиной вперёд. Лишь Чэн Цзайе и Цзян Шоуянь оставались на борту, тщательно проверяя своё снаряжение.

— Мама-кит учит малыша выпрыгивать из воды.

Не успел Чэн Цзайе договорить, как маленький кит снова показался над поверхностью моря. На этот раз он выпрыгнул больше чем наполовину, с шумом ударившись о воду и подняв фонтан брызг.

— Нам так повезло, Цзян Шоуянь! Сколько раз я раньше нырял, никогда такого не видел!

Цзян Шоуянь, подняв голову, смотрел на вновь опустевшую поверхность моря. Фраза показалась ему смутно знакомой. В одну из пьяных ночей Чэн Цзайе уже говорил ему нечто подобное. Тогда они видели зарево заката, не померкшее даже после десяти вечера, а перед ними расстилался всё тот же бескрайний Атлантический океан, что и сейчас. В тот раз он был настолько пьян, что хотел спрыгнуть вниз, и едва держался на ногах под завываниями морского ветра, когда Чэн Цзайе одним рывком поймал его и удержал в объятиях.

Цзян Шоуянь моргнул и промолчал. А когда Чэн Цзайе повернулся к нему, опустил голову, чтобы посмотреть на манометр.

— Они вряд ли уйдут далеко в ближайшее время. Цзян Шоуянь, хочешь немного проплыть за ними?

Цзян Шоуянь вспомнил огромную тушу, только что выпрыгнувшую из моря, и колоссальный всплеск от её падения, после чего покачал головой:

— Пожалуй, нет. Как-то страшновато.

— Тогда мы просто посмотрим на них издали, — предложил Чэн Цзайе.

Заметив, что Цзян Шоюань слишком долго и неподвижно смотрит на манометр, Чэн Цзайе заглянул через его плечо:

— Что такое? Какие-то проблемы?

И тут же нахмурился:

— Давление слишком низкое, в баллоне не хватает воздуха.

Он отдал Цзян Шоюаню свой баллон, а сам попросил запасной и заново собрал снаряжение. Из-за всей этой заминки, когда они наконец спустились в воду, мама-кит с детёнышем почти скрылись из вида.

Чэн Цзайе вёл Цзян Шоюаня за руку. Тот посмотрел вперёд: в густой темноте морской воды виднелись лишь два крошечных тёмных силуэта. Под водой с зажатым в зубах регулятором разговаривать было невозможно — всё общение сводилось к жестам. Чэн Цзайе опустил большой палец вниз, что означало: продолжаем погружение. Цзян Шоюань показал жест «ОК».

Через каждый метр погружения Чэн Цзайе напоминал Цзян Шоюаню о необходимости продувать уши. Они спускались, пока не оказались над коралловым рифом. Видимость здесь стала чуть лучше. Чэн Цзайе остановился и подал знак Цзян Шоюаню медленно плыть вдоль рифа в глубину.

Цзян Шоюань мягко работал ластами, Чэн Цзайе плыл рядом. Они то и дело смотрели друг на друга, и их глаза под масками едва заметно щурились в улыбке. Под водой стояла абсолютная тишина, а тело казалось невесомым. Маска визуально увеличивала подводный мир: Цзян Шоюань разглядывал потрясающе красивые коралловые заросли и рыб, названий которых не

знал.

Вдруг Чэн Цзайе дёрнул его за руку и указал куда-то в сторону: прямо на них двигалась огромная стая барракуд. Цзян Шоуянь с непониманием посмотрел на Чэн Цзайе, но тот лишь крепко держал его, зависнув на месте и замедлив дыхание. Косяк рыб медленно проплывал мимо. Цзян Шоуянь округлил глаза, чувствуя, как рыбы хвосты слегка задевают его тело. Чэн Цзайе улыбнулся. Дождавшись, пока проплывёт вся стая, он повёл Цзян Шоуяня дальше и безопасно «приземлил» его на песчаное дно.

Цзян Шоуянь опустился коленями на песок, а Чэн Цзайе стал учить его пускать кольца из пузырей воздуха. Цзян Шоуянь немного потренировался, как вдруг заметил невдалеке человека, который плыл в их сторону, на ходу подавая знаки руками. По подсказке Цзян Шоуяня Чэн Цзайе обернулся. Это был тот самый блондин. Суть его жестов сводилась к тому, что в его баллоне закончился воздух и он просит воспользоваться их запасным регулятором.

Чэн Цзайе всё понял. Он ещё помнил болтовню этого парня на катере, поэтому помогать особо не хотелось. Если кончился воздух, можно совершить контролируемое экстренное всплытие — этому навыку учат всех при получении сертификата. Но, видя, что тот действительно в панике, а его напарника по какой-то причине нет рядом, Чэн Цзайе всё же решил подплыть к нему.

Эта песчаная отмель была максимальной глубиной, на которую разрешалось погружаться Цзян Шоуяню. Блондин находился немного глубже, и Чэн Цзайе не знал особенностей той зоны. Боясь, что иностранец может не продержаться, пока будет плыть до них, и случится беда, Чэн Цзайе ради безопасности показал Цзян Шоуяню жест «жди здесь». Цзян Шоуянь кивнул, провояжая взглядом Чэн Цзайе, уплывающего во мрак на большую глубину.

На морском дне возникало удивительное ощущение — стояла такая тишина, словно во всём мире остался только ты один. Цзян Шоуянь постоял на коленях, немного задумавшись, как вдруг заметил какую-то незнакомую рыбку. Она стремительно сделала пару кругов над песком, а затем, вильнув хвостом, поплыла вдаль. Подчинившись бессознательному порыву, Цзян Шоуянь поплыл за ней. Рыбка оказалась куда быстрее него, и к тому моменту, когда он оказался на самом краю песчаной отмели, бесследно исчезла.

Цзян Шоуянь начал осматриваться, но вдруг песок под ногами просел. Он резко опустил голову, отступил на два шага назад и только тогда понял, что песчаное дно здесь резко обрывается в бездонную пропасть. Отвесная скала устремлялась прямо вниз, сливаясь с тьмой настоящей бездны.

Замерев на краю, Цзян Шоуянь смотрел в этот провал, и вдруг — как в тот раз над обрывом на берегу — в нём вспыхнуло дикое желание броситься вниз. Тьма поглотит его до последнего атома... От мысли об этом по телу Цзян Шоуяня пробежала волна щемящего, пьянящего онемения, уставший мозг внезапно оживился. В то же мгновение в голове Цзян Шоуяня пронеслось множество образов, столь быстрых, что он совершенно не мог за них ухватиться. Кажется, он сделал шаг вперёд — а может, и нет. Он почувствовал, как его внезапно дёрнули за руку, обернулся и увидел золотисто-карие глаза Чэн Цзайе.

Чэн Цзайе впервые в жизни захлебнулся водой во время погружения. Он утащил Цзян Шоуяня обратно на ту безопасную песчаную отмель, всё его тело била неудержимая дрожь. Цзян Шоуянь видел, как тот с силой дышит: перед его маской бурлило множество пузырьков. Он хотел поднять руку, чтобы коснуться открытой щеки Чэн Цзайе, но тот отвёл его руку в сторону.

Он смутно разглядел покрасневшие глаза Чэн Цзайе и вдруг почувствовал такую резкую боль в груди, что ему стало трудно дышать. Спустя долгое время Чэн Цзайе показал жест всплытия. Цзян Шоуянь кивнул и поплыл вверх вслед за ним.

Вскоре после того, как они поднялись на катер, вернулись и остальные дайверы. Тот блондин с помощью Чэн Цзайе нашёл своего напарника и пробыл на глубине ещё какое-то время.

Поднявшись, иностранец заметил, что Цзян Шоуянь и Чэн Цзайе сидят далеко друг от друга, и атмосфера между ними довольно напряжённая. Сняв снаряжение, он подошёл к Цзян Шоуяню и с ухмылкой спросил по-английски:

— (Что стряслось? Твой...)

Не успел он договорить, как Чэн Цзайе с силой развернул его за плечо и не сдерживая силы ударил кулаком в лицо. Из-за этого инцидента короткую поездку пришлось прервать, и катер лёг на обратный курс. Через двадцать с лишним минут они пришвартовались к берегу.

Чэн Цзайе шёл очень быстро, Цзян Шоуянь с трудом поспевал за ним. Но не успел он пробежать и пары шагов, пытаясь его догнать, как Чэн Цзайе резко обернулся и в два счёта повалил его на песок, прижав к земле.

— Цзян Шоуянь, ты спятил?! Совсем рехнулся?! Ты хоть понимаешь, где только что был?! — он мёртвой хваткой вцепился в плечи Цзян Шоуяня. — Обрыв! Подводный обрыв! Ты что, не видел этого в учебнике?!

Цзян Шоуянь впервые видел его в таком бешенстве. Он приоткрыл рот и с трудом выдавил:

— Я просто увидел рыбку...

— Я тебе велел ждать меня на месте или нет?! Если хотел посмотреть на рыб, я бы вернулся и сам тебе всё показал! Какого чёрта ты туда поёрся?! Зачем?! Ты хоть понимаешь, как там опасно?! Одно неверное движение — и тебя бы затянуло вниз, ты бы...

На последнем слове голос Чэн Цзайе внезапно оборвался. Цзян Шоуянь смотрел на его покрасневшие, полные слёз глаза, и чувствовал, как у него разрывается сердце. Словно совершая казнь тысячи порезов, он задал вопрос, озвучив то, что так и не смог выговорить Чэн Цзайе:

— Так боишься, что я умру?

— Что ты несёшь, Цзян Шоуянь? Ты хоть сам понимаешь, что несёшь?

Слёзы упали на лицо Цзян Шоуяня, обжигая так сильно, что его пробил дрожь. Он медленно поднял руку, стирая капли влаги с глаз Чэн Цзайе. Но они всё текли и текли, и вскоре его собственные глаза тоже подёрнулись пеленой. Он не знал, что сказать, лишь повторяя снова и снова:

— Прости... Прости меня...

Чэн Цзайе, словно лишившись всех сил, наклонился к нему, целуя его глаза, его уши, и наконец, уткнувшись лицом ему в шею, хрипло прошептал:

— Это ты меня прости... прости меня. Я не должен был срываться, просто я... очень испугался. Больше не делай так, Цзян Шоуянь... Не надо.

Цзян Шоуянь не ответил, широко раскрытыми глазами глядя в лазурное небо.

Всю дорогу домой оба молчали. Напряжённая тишина длилась до самого отхода ко сну. Хотя Чэн Цзайе с ним не заговаривал, он обнимал его очень крепко, а спал очень беспокойно: стоило Цзян Шоуяню шевельнуться, тут же открывал глаза и проверял, всё ли с ним в порядке. Цзян Шоуянь поднял руку, провёл по его высокой переносице и спросил:

— Не спится?

Чэн Цзайе промолчал, лишь ещё крепче обхватил за талию, прижимая к себе. Цзян Шоуянь поднял руку и принялся поглаживать его по спине.

Окно в спальне было приоткрыто. Цзян Шоуянь смотрел, как лунный свет снаружи сначала постепенно густел, а затем понемногу бледнел. Дыхание человека в его объятиях постепенно стало глубоким и ровным. Цзян Шоуянь взял руку, лежавшую у него на талии, и миллиметр за миллиметром отодвинул в сторону. Чэн Цзайе едва заметно нахмурился, его пальцы бессознательно сжались, но ухватили лишь пустоту.

На далёком горизонте постепенно проступала светлая полоска рассвета. Цзян Шоуянь сидел на полу, прислонившись спиной к стене под окном, и читал статьи, которые переслал ему Ци Чжоу. Наконец он выключил телефон и, откинув голову, опёрся затылком о стену. Цзян Шоуянь сам не понимал, о чём думает. За свою жизнь он пережил смерть двух самых близких людей. Он знал, насколько это больно. Так больно, что хочется убить себя. Что он, собственно, и попытался сделать. И до сих пор не отказался от этой мысли.

Цзян Шоуянь поднял руку, поймал ладонью тонкий лучик утреннего света, пробившийся сквозь щель в окне. Дрожа всем телом, он подумал о том, что нельзя быть настолько эгоистичным. Нельзя заставлять Чэн Цзайе жить в постоянном страхе потери. Опираясь о стену, Цзян Шоуянь поднялся на ноги. Он подошёл к кровати и посмотрел на Чэн Цзайе, который крепко хмурился во сне, явно терзаемый тревогами. Он наклонился, поцеловал его и в полумраке тихо произнёс:

— Чэн Цзайе, кажется, я действительно болен.

Солнце августовского Сан-Мигела по-прежнему грело мягко и ласково. Первое, что сделал Чэн Цзайе, едва к нему вернулось сознание, — пошарил рукой по кровати рядом с собой. Пусто. И простыня холодная. Он резко распахнул глаза и обнаружил, что лежит в постели один.

Дыхание перехватило. Он откинул одеяло, затем поднял подушку, и тут его взгляд внезапно замер. На прикроватной тумбочке лежало кольцо. А под ним — прижатый весом кольца смятый клочок бумаги.

Дрожащими руками он развернул листок. Оказалось, это было не любовное письмо. Это была предсмертная записка. Цзян Шоуянь написал её на следующий день после того, как пришёл в себя после попытки отравиться угарным газом. В ней было всего две короткие строчки: «DNR. Пожалуйста, не спасайте меня».

Примечание переводчика. DNR (Do Not Resuscitate) — отказ от реанимации. Медицинское распоряжение, запрещающее проводить сердечно-лёгочную реанимацию в случае остановки сердца или дыхания.

<http://bllate.org/book/14908/1600242>